Величко А.М.,
доктор юридических наук

Несвободная святая

«Важнее всего, чтобы учительствующая часть Церкви, т.е. иерархия православная стояла в уровень века не только по учености, но и по воспитанию, и по всему. Надо, чтобы сверх того у духовенства было больше самобытной власти. На жизнь Церкви имеет большое влияние положение духовенства и другие исторические условия»

К.Н. Леонтьев[1].

«Масса «пророческих» слов – о единстве, о призвании Православия в мире и т.д. но слов заведомо «на воздух». Это, может быть, самое страшное в современном Православии: слова ни к чему не обязывают, они часть ритуала. И причина этому простая: Православие решило жить в иллюзии, больше всего – в иллюзию превратило Церковь»

Александр Шмеман, протопресвитер[2].

«Власть господина над рабом, хотя одно и тоже полезно и для прирожденного раба, и для прирожденного господина, все-таки имеет в виду главным образом пользу господина»

Аристотель[3].

I.

Едва ли нужно доказывать, что нынешнее состояние российского общества далеко не идеально. Уровень интеллекта населения стремительно падает, культура разменяна на развлекательные программы довольно низкого качества, тиражи книг, цена на которые бьет все мыслимые рекорды (вернее, антирекорды), мизерны. От былой политической активности масс 25-30 летней давности остались лишь «аналитические» передачи, где непонятно откуда взявшиеся «эксперты» *годами* разглагольствуют о трудностях жизни в

---

[1] *Леонтьев К.Н.* Письмо А.А. Александрову. 24-27 июля 1887 года. Оптина пустынь//Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т.12. Книга 1. СПб., 2020. С.371.

[2] *Шмеман Александр, протопресвитер*. Дневник 1973-1983 гг. Вторник, 24 мая 1977 г. М., 2007. С.377.

[3] *Аристотель*. Политика. Книга III, глава IV, 1278b.35// Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4. М., 1983. С.456.

Украине и Европе, но совершенно обходят стороной наши внутренние проблемы.

Так создается *иллюзия* причастности обывателя к каким-то политическим событиям, которая, однако, не прибавляет людям зрелости в суждениях, не говоря уже о формировании собственной позиции или хотя бы личного мнения, необходимого для каждого активного гражданина. К слову сказать, это традиционное словосочетание ныне получило новое содержание: «активным» считает безымянный обыватель, при невольном содействии которого власть предержащие *имитируют* плебисцит, чтобы решить собственные вопросы «демократическим путем».

Можно сколь угодно долго говорить, цитируя Конституцию России, о народоправстве, социальном и правовом государстве и т.п., но *на самом деле* ни для кого не является секретом, что власть в современной России принадлежит небольшой группе лиц, формально или неформально управляющих ею. Возможно, наш политический режим нельзя назвать «полицейским», но то что Российское государство является *«олигархическим»*, сомнений нет никаких.

Это - касаемо социального портрета нашего общества. Но и государственное управление, претерпевшее за последние годы несколько модификаций, также так и не стало эффективным. Да, «федералы» кое-как разобрались с единством правового пространства, *заставив* местные власти соблюдать Конституцию РФ. Но так и не смогли обеспечить главные принципы любого политического союза – *единство закона* для всех граждан, не допуская субъективного изъятия из-под его власти отдельных лиц и целых групп населения; и *неотвратимость наказания*. Как следствие, сегодня в России процветает принцип: «Неважно, *что* сделал, главное – *кто* сделал». Нельзя сказать, что он незнаком нам еще по давним временам (увы, увы!), но такое ощущение, что сегодня этот принцип возведен *в абсолют*.

Продолжая горький перечень, следует признать тот факт, что за минувшие годы носителям высшей власти так и не удалось заставить тяжелую, неповоротливую, инертную и весьма дорогостоящую государственную машину работать единообразно и – главное - на пользу населения. Что, в общем, не удивительно, поскольку отсутствуют не только приоритеты национального развития, но и *люди*, способные эти задачи решать, а кадровая политика государства прекратила свое существование еще в 90-х годах прошлого века.

В итоге сегодняшнее государство не имеет национальной стратегии развития, хотя *документы* с подобными названиями регулярно изготавливаются федеральными министерствами. Мы не слышим о новых отраслях промышленности, строительстве городов, освоении таежных земель, которыми наше государство в изобилии владеет. Даже вопрос о принадлежности Арктики России возник, как думается, вследствие интересов определенных нефте- и газодобывающих корпораций, облюбовавших природные залежи этих ископаемых на Севере, а не из-за проблем

национальной безопасности. Разве могут вопросы обороны России конкурировать в умах олигархов с темой личной выгоды?! Здесь сразу невольно вспоминается *К. Маркс* (1818-1883) с его знаменитой формулой о том, *на что* готов пойти капитал ради 300% прибыли.

Было бы странным, если бы в этих условиях Русская церковь являла бы качественно иную картину. Ведь она существует в обществе, вольно или невольно впитывая в себя все его характеристики – и положительные, и отрицательные. Другое дело, что если для общества эти оценки, возможно, носят привычный характер и еще не свидетельствуют о *смертельном характере* заболевания, то иное дело – Церковь. Как известно, ее главное отличие от всех остальных общественных союзов заключается в том, что она объединяет людей не по национальному признаку, хобби, месту работы или финансовому интересу, а *по вере в Христа*. И создана Господом не для удовлетворения земных нужд, а для *спасения человека*.

Поэтому, проблемы, время от времени возникающие в церковном быте, не просто болезненны для ее членов, они отвращают человека от Бога, становятся *соблазном*, который тот или иной христианин не в силах преодолеть. В этой связи необходимость поговорить о наших церковных нестроениях обусловлена не желанием «обличать» или «злословить», а естественной потребностью *очиститься* вместе со всей Церковью от тех скверн или пороков, которые свили свои гнезда в нашем святом жилище.

II.

Разумеется, нелепо говорить, будто какое-то человеческое общество, тем более многомиллионная Церковь, в каждую конкретную минуту своего существования испытывает на себе влияние какой-то *одной* тенденции. Нетрудно убедиться, что всегда ее социальное тело пронизывают пересекающиеся, сталкивающиеся или сопутствующие друг другу векторы различных сил – злых и добрых, предвестников грядущих перемен и тени атавизмов прошлых эпох. Тем не менее несложно определить некоторые доминирующие характеристики или явления, предопределяющие пути дальнейшего существования Церкви. Именно о них и пойдет наш разговор.

Без всякого сомнения, первым злом, всегда прямо или косвенно виновным в появлении и укоренении других пороков в Церкви, является *папизм*, прямым следствием которого происходит *выделение* священства из общей массы христиан. После чего священство переводится в разряд «церковной элиты», обладающей в Церкви всей полнотой власти. Смутная вера в свое счастливое предназначение в умах иереев постепенно укрепляется различными «теориями» «канонистов» и «богословов», литературными трудами и текстами официальных документах, где прямо заявляется, что

священство – *особое сословие*, специально созданное Господом для окормления нас, многогрешных мирян[4].

После этого Церковь уже не мыслится единым Телом Христовым, совокупностью «братьев и сестер», где каждый христианин как добрый домостроитель служит другому тем даром, который получил от Бога (1 Петр. 4:10). Но лишь *иерархическим обществом* со своей пирамидой власти, в котором статус христианина разнится в зависимости исключительно от занимаемого места, а не от «многоразличной благодати Божией».

Обычно понятие «папизм» принято употреблять применительно к Римо-католической церкви. Но на самом деле этой болезнью неоднократно болела и Восточная церковь, причем в разное время *все* патриаршие кафедры без исключения. А Русская церковь, к несчастью, *вчера и сегодня*.

Как Церковь имела возможность многократно убедиться, в условиях победившего папизма высший эшелон церковной власти быстро приходит к осознанию своей самодостаточности и наличию собственных «корпоративных интересов». Наверное, при таком душевном настрое «пасомых» еще можно жалеть, но *любить*?! Но ведь они же – не ровня, убоги, скандальны, не просвещены. И кто же, пребывая в здравом уме, допустит в соработничеству людей ограниченных, несведущих – *толпу*, одним словом?!

Это искреннее убеждение папистов можно было бы принять, если бы не два «но». Во-первых, первой обязанностью пастыря и является как раз духовное просвещение народа, которое в условиях папизма утрачивает смысл. А, во-вторых, оно никак не соответствует словам апостола Павла: «Служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех» (1 Кор. 12. 5-6). Получается, что Бог – *не один* для всех, не от Него все производится?!

Заявленный теоретиками папизма алгоритм деления членов Церкви не по дарам, а по должности, столь широкими «мазками», как «священство – миряне», не ограничивается. Ползущая дифференциация происходит уже *внутри* группы «избранных», вслед за чем устанавливается новое деление – на *епископат* и *пресвитерство*. И если для мирян священство парит в заоблачных высях, то для самих пресвитеров таким же качеством обладает *архиерей*. Как следствие, власть епископата признается не только абсолютной и «божественной», но и *непогрешимой*. Вопрос не ставится о том, можно ли говорить о непогрешимости каждого в отдельности архиерея. Но в целом, как нам категорично заявляют, *весь* вселенский епископат непогрешим. «Выше вселенского епископата только Христос»[5].

Именно ему искусственно и «задним числом» делегируются те правомочия, которые исторически Церковь признавала за императорской властью. Вселенский епископат признается *единственным* законным организатором Вселенских Соборов, которые представляются анклавом

---

[4] *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права Православной Церкви. В 2 т. Т.2. Казань, 1913. С.28, 29.

[5] *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С.169.

архиереев. Всех, кто не относится к этому званию, но значится в соборных актах, считают «слушателями» или «свидетелями» происходивших тогда событий[6].

Безусловно, Церковь не может существовать без своей внутренней иерархии, после множества вековых попыток и различных практик она действительно выковала в себе основу основ - «монархический епископат». И дары, данные епископам Богом, беспрецеденты по степени своего духовного богатства. Как говорил преподобный Паисий Святогорец, «если бы вы видели, *какая благодать* сходит на человека при архиерейском благословении!».

Проблема, однако, заключается в том, что при определенных условиях «монархический епископат» легко становится *«деспотическим»*. А это происходит всегда, когда власть и «страх иудейский» начинают играть довлеющую роль в церковной жизни, подменяя собой любовь и страх Божий, веру и братство. Не благодать, а *разрушение* несет епископский сан, становясь не «рукой Бога», а орудием совсем иной силы.

Наших теоретиков папизма не смущает, что их конструкции не имеют исторической основы. Во имя своей теории они готовы забыть и монахов, голосовавших на VII Вселенском Соборе наряду с присутствовавшими там епископами, и императоров-богословов, в первую очередь, *св. Юстиниана Великого* (527-565) и *Льва Мудрого* (886-912), и каноническое творчество других Византийских царей. Все они – «слушатели».

И куда в свете этой «теории» отнести, например, преподобного Максима Исповедника, противостоящего *в одиночку* сотням архиереев и тысячам священников во времена монофелитской ереси? Или игумена Феодора Студита во времена иконоборчества? Если церковное общество иерархично, то их дело – *слушать и слушаться* архиереев, а не спорить с ними. Но, как выяснилось, истину изрекали все же они, а не их противники, и Церковь признала *их* заслуги, отвергнув пребывавших в плену патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов.

Тем не менее, напрочь игнорируя исторические факты или вольно интерпретируя их, на архиереев переносят качество *всей Церкви* в целом, и то путем исключения данного Евангельского стиха из общего контекста. Да, Христос сказал, что врата адовы не одолеют ее (Мф.16:18). Однако это не означает, что в какие-то минуты своей истории вся (или почти вся в своем подавляющем большинстве) Церковь не поддавалась соблазну обмана и порой горячо отстаивала то догматическое мнение, которое впоследствии будет ею же признано неверным. Как, например, во времена арианства, монофелитства, иконоборчества. Причем, эти ереси имели сторонников не только среди рядовых мирян или священников, но епископов и патриархов. Достаточно напомнить, что 16 патриархов - предстоятелей Поместных Церквей, включая Римскую, были анафематствован Церковью по этой причине.

Словно забыв об этом, патриарх *Константин III Лихуд* (1059-1063) писал в свое время, что «духовные лица - суть некоторым образом *храм Бога*,

---

[6] *Цыпин Владислав, протоиерей*. Курс церковного права. Клин,2002. С.262-268.

поскольку посвящены Ему». Дерзкая ложь этой фразы особенно заметна на фоне слов апостола Павла, которые он обращает *ко всем христианам*: «Разве вы не знаете, что вы – храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» (1 Кор. 3:16,17).

Как следствие, епископальная система быстро принимает *тоталитарные черты*. Нет ни одной стороны церковной жизни, изъятой из-под ведения правящего архиерея, не подконтрольной ему. А иначе и быть не может, поскольку вся полнота власти в Церкви принадлежит, как считается, только и исключительно ему.

III.

В этом отношении современный епископат Русской церкви мало отличается от своих предшественников и собратьев к лучшему. Чем дальше, тем больше и больше наши архиереи хотят управлять *всем и вся*, даже если их желание идет вразрез с древними каноническими традициями.

К примеру, издревле в Церкви сохранялся обычай поставлять игуменом монастыря кого-то из числа братии по ее выбору. Однако в Русской церкви этот обычай проигнорирован, и вместо него действует правило, согласно которому игумен *назначается* патриархом и Синодом по представлению правящего архиерея (п.5.1 «Положения о монастырях и монашествующих»). Правда, оговаривается, что этому должен предшествовать совет с братией, но очевидно, что «совет» и «выбор» – далеко не одно и тоже.

Наши идеологи папизма без церемоний игнорируют тот факт, что в новозаветных книгах Священного Писания нигде не говорится об *особом* христианском священстве, которому принадлежала бы монополия принесения жертвы Богу. Напротив, *всем* вообще христианам усвояется «царственное священство» (1 Петр. 2: 5, 9), и *каждый* христианин приносил Богу свою разумную жертву. Как следствие этой «забывчивости», роль и участие мирян в церковной жизни, включая ее важнейшую, сакральную составляющую, сводится к ничтожному минимуму. От них не требуется познание Бога, изучение богословия и канонического права, *за них* все это делается священством и епископатом. Их дело – просто верить в том, что им говорят. Иными словами, верить *не Богу*, а «непогрешимым» архиерею и пресвитеру…

И потому, вместо того чтобы совлечь с христианина ветхого человека (Кол.3:9), наша Церковь в лице оставленной священноначалием за ее границами паствы погружается в старое язычество. «Религии, да и то далеко не всякой, нужна не Церковь, а нужен *храм*, - констатировал некогда протопресвитер Александр Шмеман. - Храм – «религиозного» происхождения, отсюда Евангельское: «Разрушьте храм сей… (Ин. 2:19), а Церковь – христианского. Однако Церковь – наша, во всяком случае, - давно уже отождествила себя с «храмом», растворила себя в «храме», и это значит – вернулась к языческому храму, как «фокусу», центру природной жизни, как к

ее религиозной санкции. На глубине Православие, мне кажется, давно уже «протестантизируется»: «верит» в нем каждый по-своему, но соединены все «религией», т.е. храмом и обрядом. Люди, слушающие нас, совершенно искренне не понимают, чего мы от них хотим»[7].

Сказанное касается не только вовлечение мирян в богослужение и саму церковную жизнь. Они отделяются практически от *всех* вопросов, должных затрагивать их как членов церковной общины. Например, проблем церковного быта, обличения согрешивших братьев, размера церковного налога с прихода, цели и адреса, на которые и куда уходят денежные средства, собранные с приходов и направленные в епархию, контроля за содержанием епархиального аппарата, денежного содержания приходских священников, их пенсионного обеспечения, объема средств, выделяемых на социальную помощь и т.п. Разумеется, эти сведения не составляют тайны для правящего архиерея. Но и *ниже его* они никуда не уходят.

Конечно же, заявленная непогрешимость епископата требует своего внешнего обрамления: ничто не должно оттенять светлые одежды архиерейства, ни один грех не может пристать к ним. Но поскольку все же любой епископ остается *человеком* со всеми вытекающими последствиями нашей греховной природы, легендируемое качество явно не соответствует реальному положению дел. Выход отсюда один – «чудо, тайна и авторитет», все по «Великому инквизитору» *Ф.М. Достоевского* (1821-1881).

Дабы не смущать прихожан различными неблаговидными историями, архиерейское сословие преобразуется в *«закрытое общество»*, недоступное для всех остальных христиан, включая рядовых пресвитеров, и вообще всех внешних обывателей, отделяется незримой стеной (в прямом и переносном смысле этого слова), чтобы ни одна неприятная деталь, никакая «история» с кем-либо из представителей этой группы не могла бы бросить тень на их непогрешимые черты. Что бы ни происходило в епископской среде, все остается там и никуда не выносится, все является тайной за семью печатями. Получается своего рода *орден избранных*, где существуют собственные писаные и неписаные правила, свои негласные законы, наказания за ослушание и поощрения за примерное поведение и лояльность.

К примеру, просочилась информация о пороках плотского характера, которым, оказывается, не чужды и отдельные епископы – но ни звука не произносится из-за этих стен, как будто вообще ничего не случилось. Поэтому, когда ввиду беспрецедентной мерзости содеянных поступков деваться некуда, решения церковного суда обрамляются самым туманным образом, чтобы скрыть истинную причину произошедшего от всех «не-епископов».

Не так давно двух правящих архиереев Русской церкви запретили в служении, отправив в монастырь на покаяние, мотивировав решение самым дискретным способом: «Признать епископа такого-то виновным в поведении, подпадающем, в том числе, под Апостольские правила 25 и 42». Нюанс,

---

[7] *Шмеман Александр, протопресвитер*. Дневники. 1973-1983 гг. Вторник, 15 марта 1977 г. М., 2007. С.347, 348.

однако, заключается в том, что 25 Апостольское правило устанавливает наказание за *качественно разные* с точки зрения морали проступки: блудодеяние, клятвопреступление, воровство, а 42 правило – за пьянство и азартные игры.

Так за какие из них они были осуждены?! Не за тягчайшее ли, которое не называется вслух? Едва ли можно допустить, что пьянство – обычный грешок нашего духовенства носил столь публичный характер, что это привело к расстройству епархиальной жизни, как вменяется осужденным архиереям. Но, как всегда, разбор каждого подобного прецедента осуществляется за «закрытыми дверями», как будто Церковь в понимании наших архиереев ограничивается стенами епископских келий. Все относится к разряду «закрытой информации».

IV.

Однако заявленный алгоритм делить Церковь изнутри на неравные группы не может и после этого остановиться на полпути. Поскольку Церковь мыслится иерархией, то, естественно, властная пирамида требует последующей концентрации власти в руках уже не всего епископата, а только *отдельной его части*. В результате выстраивается строй, при котором даже не архиереи, а лишь их «избранная часть» вершит судьбы всей Церкви.

Да, *формально*, в период между Поместными Соборами высшие властные и вероучительные прерогативы сосредоточены в руках Архиерейского Собора (п.1 главы 3 Устава РПЦ). Что, впрочем, не помешало, в частности, решить важнейший для всего Православия вопрос о прекращении Евхаристического общения с Константинопольской церковью не его актом, а решением 15 архиереев в октябре 2018 года в состоянии крайней спешки. Спешка ушла, решение осталось, а Архиерейский Собор так и не был созван, чтобы легитимизировать это решение.

Возникает естественный вопрос: *почему*? Да потому, что с точки зрения папистов, и епископат по большому счету – не Церковь, поскольку *над* епископатом, как и над Соборами (как Поместным, так и Архиерейским), возвышается Священный Синод во главе с высшим и *единоличным* носителем церковной власти - *патриархом*, архиереем, который с точки зрения канонического права ничем не выделяется от остальных епископов. Однако в реальности обладающим фактически *безграничными* правомочиями в Русской церкви.

Воспевая патриаршее служение, приписывая ему особые дары, мы напрочь забываем, что это – *одна из* административных должностей в Церкви, не обладающая особым сакральным статусом. Очень долгое время Кафолическая Церковь существовала и развивалась, не зная такой должности. Да и Русь принимала и оставалась верна Православию, выдерживая гнет татарских мурз, без патриарха.

Однако, невзирая ни на что, патриарх в сознании церковной массы *по должности* становится своего рода *символом Церкви*. И не случайно, упразднение патриаршества в России при императоре *Петре Великом* (1682-1721) наши «патриоты» оценивали, как ее «порабощение». Такая же мысль выражена, к слову, и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (раздел III, III.4) – официальном документе нашей Церкви. Хотя в действительности ее деятельность в те годы никоим образом не претерпела никаких ограничений, не была ничем и никем стеснена.

Поскольку же, как легко догадаться, патриарх не в состоянии контролировать все вопросы в Церкви, львиную долю его полномочий осуществляет аппарат Священного Синода, *церковная бюрократия* – такая же обезличенная, самодостаточная и неуловимая в собственных желаниях, как всякая иная бюрократия. Впрочем, справедливости ради отметим, что наиболее близка по манерах поведения и духу она все же *государственной* бюрократии. Хотя бы по той причине, что в таких условиях Церковь все более начинает напоминать именно государство.

Аппарат Священного Синода может состоять из священников, архиереев или светских лиц – это ничего не меняет в самосознании носителей высших административных полномочий, остро ощущающих свою власть даже над лицами, формально стоящими на высших по сравнении с ними этажах церковной иерархии.

Конечно, традиция наделять патриарха такими качествами – не наша выдумка, она насчитывает не один десяток веков. И особенно была характерна для трех кафедр – Римской, Константинопольской и Московской, компетенция предстоятелей которых заметно выделялась не только на фоне обычных архипастырей, но и даже других патриархов – Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, Болгарского, Румынского, Сербского и т.д.

Так, уже в VIII веке в Византии был принят закон, гласивший: «Патриарху принадлежит попечение о всем, относящемся к спасению души. Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, словом и делом *изображающий на себе истину* (выделено мной. – *А.В.*). Одному патриарху приличествует объяснять постановленное древними и определенное Святыми Отцами и утвержденное Святыми Соборами»[8].

В IX веке, в «Эпанагоге», Константинопольского патриарха именуют уже земным *олицетворением Христа*, «всеми своими поступками и словами выражающего истину». Эти же выражения дословно приведены пять столетий спустя в «Алфавитной синтагме» Матфея Властаря (XIV век).

На Соборе «В храме Святой Софии» 879-880 гг. восточные епископы дружно восклицали в адрес Константинопольского патриарха: «Таков и должен быть тот, кому, по образу Первосвященника Христа, поручено смотрение над всем миром. Итак, имеем Первосвященника, прошедшего

[8] *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб., 1878. С.186, 187.

небеса (Евр.4:14). От полноты его мы все восприяли (Ин.1:16), подобно тому, как славные Апостолы от нашего Господа Иисуса Христа»[9].

В XIV столетии Константинопольский патриарх *Антоний IV* в одном из своих посланий писал: «Я – защитник божественных законов и канонов, это мой долг перед всеми христианами. Я – кафолический учитель всех христиан. Патриарх занимает место Христа и восседает на Его владычнем престоле; почитающий патриарха Самого Христа почитает».

Но так было не только в Византии, но и на «Святой Руси», где наши отечественные паписты с удовольствием цитировали латинские теории о «Солнце и Луне», «Константинов дар», нисколько не сомневаясь в том, что *епископы служат патриарху*, кстати, как и Русский царь. Что священство выше царства, обосновывал уже митрополит *Фотий* (1408-1431) в своем послании в Псков. Идя проторенным путем, митрополит *Даниил* (1522-1539) сравнивал сан инока (всего-навсего!) с золотом, а князя – с серебром. Но, собственно говоря, он лишь цитировал Римского папу *Иннокентия III* (1198-1216), уподоблявшего епископа Солнцу, а императора – Луне.

Еще дальше пошел *Никон* (1652-1666), «отец отцов» и «крайний святитель», как он любил себя величать, о котором современники говорили, что патриарх «управляет вместо Евангелия бердышами, вместо креста топорами». По его же убеждению, патриарх являлся для царя грозным и высшим начальством, которое проверяет правильность всех его действий и в случае необходимости может даже их запретить.

Он же решительно развил ту мысль, что Московский патриарх есть образ Христов, а епископы - апостолов, из чего легко получался вывод, будто патриарх и епископы суть *разные степени* священства. А потому власть патриарха над архиереями носит столь же абсолютный характер, как и над приходскими священниками и рядовыми мирянами – все «равны» перед ним[10].

Не удивительно, что Никон совершенно закрыл свой дворец для приходского священства. Да и архипастыри обыкновенно по нескольку часов, порой и на морозе, ожидали аудиенции у Никона[11]. «Чудо, тайна и авторитет…».

V.

Едва ли можно сказать, что с тех пор, как минуло 250 лет, церковная бюрократия оказалась отодвинутой на третьи роли, двери патриаршей и епископальных резиденций открылись, а «Русь Соборная» явила миру новые примеры духовного, *солидарного единства* мирян, пресвитерства и епископата, демонстрируя любовь, открытость и доверие. К сожалению, и сегодня вместо любви главенствующим мотивом отношений между епископатом и всеми остальными членами Церкви являются *власть и страх*

---

[9] *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. СПб., 2001. С.287

[10] *Асмус Валентин, протоиерей*. Лекции по патрологии. Лекция № 2.

[11] *Князьков С.А.* Допетровская Русь. М., 2005. С.213.

наказания, помноженные на грубость и личное унижение. Иначе и быть не может, если вся Церковь, кроме высших ее членов, лишена какой-либо инициативы, культуры, прав и, самое главное, *свободы*.

Отсюда наше вековое желание запретить публичные споры, дебаты, сомнения – все должно быть подчинено *одной воле*, все должно быть послушным ей. Сравнивая Россию с Западом, *С.С. Глаголев* (1865-1937) как - то заметил, что хотя в Западной Европе в Средние века имел место гнет религиозной мысли, зато присутствовала свободная дискуссия. «За мысли, считавшиеся еретическими, сжигали. Это правда, но надо заметить, что сжигали обыкновенно *после публичных диспутов*, после опубликования идей, которые потом провозглашались преступными». Мысли давали родиться и высказаться, а не душили ее, как у нас, в потемках так, чтобы она не соблазняла «малых сих»[12]. К сожалению, это – яркая иллюстрация, и далеко не единственная, и уровня нашей образованности (в первую очередь, богословского), и того административно-церковного строя, который укоренился в нашем Отечестве с давних пор.

Очевидно, что в первую очередь последствия этой «братской нелюбви» бьют по рядовому священству, на которое должна выпадать главная задача воспитывать прихожан, трезвить, приводить их к Христу. Само собой разумеется, что таковым может быть не только человек образованный, духовно чистый, выдержанный, культурный и т.п., но – главное, человек, осознающий себя *личностью*, человек сформировавшийся интеллектуально и морально. Однако именно этих качеств и не достает зачастую нашему священству. Пастырь может быть добрым и воспитанным, начитанным и смиренным, что не предрешает вопрос о наличии в нем собственного достоинства и воли, способных противостоять неправде и злу.

Свою роль, безусловно, играет внешняя социальная среда, последние десятилетия усиленно, настойчиво и *систематически убивавшая* в русском человеке личность. Но и церковный строй вовсе не располагает к тому, чтобы священник, гордо расправив плечи, ощущал себя лицом, с чьим мнением считается начальство, которое обладает совокупностью прав и гарантий, настоящим пастырем, не боящимся обличить и сильного мира сего, и поспорить, если надо с архиереем.

Его приниженное состояние тем более очевидно, что в отличие от всех других граждан России он не имеет конкретной зарплаты, не волен выбирать место своего служения, рискуя постоянно быть перемещенным личным распоряжением правящего архиерея или благочинного, может без особых причин оказаться под запретом, не говоря уже о социальных благах, размер и перечень которых устанавливаются также без его участия произвольно священноначалием. Само собой, его супруга и дети также не имеют социальных гарантий от Церкви при, например, смерти супруга и отца.

---

[12] *Глаголев С.С.* Задачи русской богословской школы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905.

Лишенный гарантированных средств к существованию, имея церковные послушания, но не имея средств для их выполнения (например, строительство нового храма, который он должен самостоятельно возвести, неизвестно каким образом отыскав средства и спонсоров), в любой момент времени могущий потерять свой приход по прихоти архиерея, священник нередко оказывается *растоптанным* системой административно-церковной иерархии. Он должен вести людей за собой, но в состоянии ли выполнить свой пастырский долг?! И не потому ли сегодня так часты случаи, когда приходские священники искренне полагают, будто их деятельность заключается лишь в богослужении и требах? Они так и не почувствовали себя пастырями, они – *работники правящего архиерея*, а не «священники Бога Всевышнего» (Быт.14:18).

Бесправный статус нашего рядового иерея тем более заметен на фоне католических священников, которые, в отличие от него, при всех традициях папизма в Римо-католической церкви, не могут быть перемещены без своего согласия на другой приход, имеют фиксированную и гарантированную заработную плату, пенсию и средства из церковного фонда взаимопомощи. Не говоря уже о том, что бытовые расходы (наем квартиры, оплата труда горничной и т.д.) финансируются из епархиального бюджета.

Само собой разумеется, что духовное просвещение в системе страха и административного подчинения лишено смысла: все, что нужно знать, *уже сказано*, а если что-то понадобится разъяснять, на то есть архиерей или патриарх, аппарат Священного Синода, в конце концов. Благо, что традиция считать патриарха главным хранителем и толкователем догматов и канонов в России также носит вековой характер, хотя от этого не стала более истинной, чем раньше.

Отсутствие же развитой и эффективной системы духовного просвещения, особенно заметное на фоне интеллектуальных успехов других Церквей, невольно заставляет обращать нас свой взор в прошлое, чтобы ссылками на него доказать всем и в первую очередь самим себе наше мнимое духовное превосходство и собственную «историческую правду».

«Русское сознание ностальгично, ностальгия его по «авторитету», который легче всего найти в прошлом. Все всех зовут куда-то и к чему-то «возвращаться», причем возврат этот оказывается, одновременно, и концом, завершением истории посредством апофеоза России. И потому-то свобода так мало нужна. Она не нужна, если абсолютизируется прошлое, требующее только охранения и для которого *свобода – опасна*. Она не нужна, если будущее отождествляется с «концом». Свобода нужна для *делания*, она всегда в настоящем и о настоящем: как поступать сейчас, какую дорогу выбрать на перекрестке. Но если душа и сердце томятся о прошлом или о конце, то свобода решительно не нужна»[13].

Увы, рядовой священник – не единственная жертва папизма: *рабская система* страха наказания, власти и административного авторитета не может

[13] *Шмеман Александр, протопресвитер*. Дневники. 1973-1983 гг. Четверг, 11 октября 1979 г. М., 2007. С.480.

не вовлекать в себя, как в воронку, и самый епископат. Все нижестоящие патриарха архиереи становятся такими же *рабами* его воли и желаний, как и рядовые пресвитеры – их собственных решений. В последние годы никого уже не удивляет череда (или чехарда) массовых перемещений в Русской церкви епископов с кафедры на кафедру, что вообще-то совершенно не приветствуется церковными канонами, и отправка на покой архиереев, далеких от пенсионного возраста. Причем, как и полагается, без объяснения причин. Все решается по принципу целесообразности, личной преданности, доверия или обуславливается «аппаратными играми», в которых, к сожалению, тоже нет недостачи.

Церковь существует в мире, а потому все недостатки внутрицерковного быта, ложь и фальшь рано или поздно становятся достоянием всех россиян. Скорее, рано – с учетом современных скоростей распространения информации. На фоне наших внутренних проблем очевидно, что противникам Церкви и выдумывать ничего не надо, достаточно лишь сопоставить отдельные слова и факты, «исчезнувшие и вновь появившиеся часы» патриарха с бедностью наших приходов, а уверения с амвонов правящих архиереев в любви с конкретными фактами доведенных до самоубийства священников или, напротив, безответственным поведением «близких» иереев, обласканных высшей церковной властью и потому неприкасаемых.

Даже эти факты сами по себе отталкивают сегодня от Церкви потенциальных христиан и расхолаживают духовный настрой тех, кто уже принял таинство крещения. Но это, что называется, - «частный случай». Куда опаснее тот факт, что современная Церковь решительно отказывается от участия в жизни общества, заявив, что она – *вне политики*.

Но вот что удивительно: чем настойчивее Церковь уходит от мира, тем более она обмирщается, все более и более принимая черты государства. Любовь повсеместно заменяется *послушанием*, и даже наперекор словам Христа: «Сей же род изгоняется только постом и молитвой» (Мф.17:21) сегодня весьма произвольно сделали нормой церковной жизни иной принцип: «Послушание *выше* поста и молитвы». Хотя что может быть выше общения с Богом, что полезнее для духовного здоровья человека, чем исихия?! Неужели послушание священнику или архиерею?

Вслед за упразднением поста и молитвы во имя послушания, *чинопочитание* возводится на невероятную высоту, становясь критерием лояльности церковным властям и «добротолюбия». Не духовные подвиги прихожан, а размер перечисленных в епархию денежных средств, сегодня нередко становится критерием успешности того или иного иерея или даже архипастыря. Помнится, как недавний отказ одного из митрополитов от «конвертов» с денежными приношениями от священников на праздники вызвал откровенное недоумение в церковной среде. Из чего, как минимум, можно сделать вывод *о масштабах* этой порочной и добровольно-принудительной практики в нашей церковной среде. Попутно монастыри превращаются в коллективные хозяйства, главной целью которых становится

извлечение прибыли. Священники же становятся прорабами на стройках собственных храмов, им некогда окормлять прихожан.

В свою очередь, *отдаление* священноначалием мирян от Церкви является для них скрытым и долгим, как гноящаяся рана, идейным основанием считать ее *внешней силой*. Да и «самость» прихожанина начинает проявляться в признании им для себя *необязательности* церковной дисциплины, правил богослужения, что приводит к формированию в народе устойчивого секулярного сознания. Хотим мы это признать или нет, но сегодня Церковь нередко воспринимается мирянами как *чужой* для них институт. Какое уж тут «воцерковление» ...

VI.

«Человек – по природе существо общественное», - говорил *Аристотель* (384-322 до Р.Х.). И поэтому «даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству»[14]. Сам факт нахождения человека в обществе, где царит неравенство (возрастное, физическое, социальное и т.д.) требует *упорядоченности* человеческого бытия. И, конечно же, любое общество, если только оно не желает разрушиться в атомизме анархии, формирует свою *систему* властных отношений. Именно она создает совокупность писаных и неписаных правил, *навязывает* человеку определенное поведение, формирует за него ценностные ориентиры, которым нужно *обязательно следовать*.

Бесспорно, идеальных систем не бывает – хотя бы потому, что любая из них рано или поздно устаревает. Кроме того, рассчитанная на «среднего» человека, система *отторгает* от себя все, что не подпадает под эту категорию; неважно, идет ли речь о ярких талантах или откровенных бездарностях. Очевидно, ее жизнеспособность обусловлена реалистичностью и способностью удовлетворить запросы человека, раскрыть лучшие его стороны души и заглушить худшие.

Сказанное в полной мере относится и к Церкви земной, как социальной организации. Да, ее Создатель – не мифические законы развития или эволюции, а Творец мира, и потому церковные институты в буквальном смысле слова объективно имеют *божественное происхождение*, они даны нам провиденциально. Одна та система власти, которая существует сегодня и была создана Церковью еще в далекие века, ориентировалась на совершенно определенную конструкцию политической власти, средоточием которой являлся император, король и царь – в зависимости от того, в каком государстве существовала та или иная Церковь.

Именно императорское присутствие в Церкви, добровольное наделение его церковной полнотой почти неограниченными административно-властными полномочиями, позволявшими государю выступать в случае

[14] *Аристотель*. Никомахова этика. Книга 1.1097.b11//Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4. М., 1983. С.63.

необходимости и высшей судебной инстанций для членов Церкви, и принимать активное участие в богословских диспутах, ставя последнюю точку в догматических спорах, и одергивать зарвавшихся архиереев, наполняло привычную для нашего глаза систему церковной власти живительным духом, обеспечивало ее жизнеспособность и лишало папистские тенденции какой-либо широкой перспективы.

Напротив, в отсутствие этой могучей и спасительной для жизнедеятельности земной Церкви фигуры, которая помимо прочих достоинств являлась *символом соединения божественного и человеческого*, небесного и земного, система церковной власти принимает искаженные, самодостаточные черты, выдавливая из себя мирской элемент, замыкаясь в собственных интересах и все дальше и дальше уходя от своего служения Господу нашему Иисусу Христу.

Всякое служение нужно Церкви и человеку – *одновременно*, и ни одно из них не является самодостаточным или гарантирующим спасение души. «Без епископа нет Церкви» - это правило мы усвоили крепко. Но и без мирян Церкви – нет. Как и без рядового пресвитера или диакона, пономаря или свещеносца. Все они – *Церковь*. И эту формулу церковного «золотого сечения» обеспечивал только и исключительно христианский император, глава земной Церкви, высший орган ее административно-властного управления, лицо, стоявшее *над* частными, национальными и иными групповыми интересами; лицо, одинаково беспристрастное для священства, государственной аристократии и мирян. Как наглядно и убедительно показала история, никакой альтернативы ему не существует.

Может показаться парадоксальным, но Церковь вполне безболезненно может обходиться без своего «чисто церковного» органа власти – патриарха. Но без христианского императора она неизменно и неизбежно впадает в кризис …

Конечно, наполненная живым историческим материалом, система церковной власти знает свои недостатки, обусловленные не «просчетами» Творца, а греховностью человеческой природы. Тем не менее, сохраняясь в своем неизменном виде с императором во главе, она способна заставить играть всеми гранями духовный талант любого из христиан, не позволяя, одновременно с этим, греху взять верх над сознанием и душой члена Церкви.

Но если лица, стоящие во главе системы, начинают преследовать цели, не имеющие с замыслом Христа ничего общего, самые «божественные» институты приобретают на практике зловещий, разлагающий характер. Вместо пастырства священник может своими неуклюжими действиями отвращать человека от Бога. Епископ способен, узурпируя данную ему Христом власть, стать деспотом над своими братьями и сестрами. Патриарх способен расколоть Церковь – примеров на этой счет, к сожалению, история знает более чем достаточно.

Сегодняшняя «простота» нравов, бытующая в отношениях епископа с подчиненными ему пресвитерами, автоматически отображается и на низшие

ступени иерархии. К несчастью, нам нередко приходится видеть священников, «срисовывающих» манеру поведения своих архиереев для собственных отношений с паствой. Там есть настоятель прихода, но нет пастыря. Есть «начальник», но отсутствует духовный отец. Есть люди, но нет Церкви.

Еще 100 лет назад *К.Н. Леонтьев* (1831-1891) отмечал «грубость чувств и манер во многих духовных лицах наших» - естественное следствие низкой культуры общения[15]. Ему вторил *В.В. Розанов* (1856-1919): «Бедную и несчастную сторону нашего духовенства составляет то, что они зачастую не только не знают литературы и философии, и между прочим всех религиозных волнений и недоумений, волнующих «внешний» (для духовенства) мир, но его решительно невозможно и ввести в дух этих недоумений, в настоящие и кровные его мотивы. Духовное лицо прикасается только к духовным же; и они все вместе слежались в ком твердый и непроницаемый. У них есть свои сомнения, но *не наши*, своя боль – и тоже *не наша*. Нашей боли и наших сомнений они никогда не почувствуют, и в глубочайшем, в душевном смысле – мы, просто не существуем для них, как в значительной степени – и они для нас. Печально, но истинно»[16]. Многое ли изменилось с тех пор?

Если в церковном обществе укоренились негативные тенденции, противостоять им может лишь очень сильный в духовном плане человек, чей авторитет в Церкви – безграничен. К несчастью, чаще встречаются *иные* картины, где очередной новый духовный лидер «вписывается» в реалии церковного быта либо приумножает те недостатки, с которыми ему пришлось встретиться еще раньше.

Хотим мы признать или нет, но сегодняшняя Русская церковь покрыта трещинами *невидимого раскола*, обусловленного не отличием богослужебных практик «на местах», не отношением к грекам и латинянам, даже не различием в оценках к нашему недавнему советскому прошлому и идее монархии, а жестким административным каркасом официального церковного здания, не способном пропускать сквозь себя тепло любви.

Зло никогда не станет добром, ложь не родит правду. Лишь отдернув плотные завесы с епископальных и патриарших резиденций, открыв миру себя, чтобы бояться хотя бы людской оценки, если мы уже, творя смертные грехи, не боимся Бога, став обществом, жаждущим пастырского слова, горящим верой в Христа, снискав мудрость смирения через страх Божий, принимая пастырское и архиерейское служение *как крест*, а не награду, Русская церковь способна исполнить свое великое предназначение нести свет Евангелия всему миру, хранить Православную веру и стать тем последним прибежищем, где во времена «мерзости запустения» (Мф.24:15), останутся те, кто последний будет верен Богу. «Буди, буди…» (Пс.88:53).

---

[15] *Леонтьев К.Н.* Письмо В.И.О.С. и Св. Д.А. (студенту Московского университета). Март 1888, Оптина пустынь//Леонтьев К.Н. Избранные письма 1854-1891. СПб., 1993. С.349.

[16] «В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги». СПб., 2014. С.95.